

Виктор ЕРОФЕЕВ

КРУШЕНИЕ ГУМАНИЗМА №2

У нас в культуре новый рефрен: „Все это мы уже проходили“. Такой рефрен вообще-то в культуре не нов. Он знак смены знаков, или знак „промежутка“. Усталость от пройденной семиотики хороша в преддверии сна о новом откровении.

Но нам суждена бессонница и все прелести, ей сопутствующие. Уходящая культура не сулит сладких снов. Вертеться и чертыхаясь на своем продавленном диване, мы вдруг поймем, что экономический кризис — еще полбеды. По лихорадочной логике бессонницы „мир полон соответствий“, мы вспомним заблудившегося в истории Блока с его сумбурной статьей и скажем, что крушение гуманизма мы тоже уже проходили.

Да, но если в стране есть несколько толковых экономистов, делающих упор на здравый смысл и, даже пребывая в отчаянии, ссылающихся на мировой опыт, то с философами дело обстоит иначе. Они давно вымерли. Остался один профессорский суррогат.

Так что выводить Россию из **мировоззренческого** кризиса некому, да и как? С ним ни в 500, ни 1500 дней не справишься.

Что же произошло?

Гуманизм был самым отравленным оружием престаившей идеологии. Однако по порядку...

Лучше Владимира Соловьева о гуманизме никто еще не сказал. Если мы все произошли от обезьяны, то давайте любить друг друга. Достоевский все это „недоразумение“ отразил в романах, стремясь „скрестить“ веру в Христа с верой в человека. Веховцы углубили ту же позицию.

Затем наступила советская власть, при которой судьба гуманизма была, что называется, непростой. Проявив скорее не цинизм, а чисто революционное нетерпение, большевики поначалу отменили гуманизм во имя окончательного царства гуманизма. Но мещанские обстоятельства тормозили наступление светлого будущего, и осылающий мозг революции выработал промежуточную идею изборочного, или классового гуманизма с разделением на „наших“ и „ненаших“.

Что делает интеллигенция?

Та самая интеллигенция, которая громила гуманизм как **самодостаточное человеколюбие** и философский нонсенс, прибегает к нему в эпоху новейшего варварства, уже не спрашивая о том, законен ли он с теоретической точки зрения, а упоывая на спонтанное чувство справедливости, совесть и милосердие.

Гуманизм стал платформой интеллектуальной оппозиции, от пламенных антисоветчиков до баранопокорных попутчиков, которые, прини-

мая в той или иной степени советскую власть, мечтают об ее обуздании, о том, как бы ее окультурить, и апеллируют к просвещенным партийцам типа Луначарского. Трюк не проходит.

Одновременно именно при советской власти человек, то есть субъект гуманизма, показал, на что он способен. Выяснилось, он способен на все. Он продемонстрировал чудеса подлости, предательства, приспособленчества, низости, садизма, распада и вырождения.

Сталинская комедия, разворачивавшаяся на гигантской сцене Евразии, в этом смысле была поучительна, и непредвзятый зритель мог бы выйти после ее окончания с самыми пессимистическими представлениями о человеческой природе.

Однако, когда наиболее блистательная ее часть завершилась в 1953 году со смертью автора и режиссера, оставшиеся в живых зрители поспешили все свалить на „культ личности“, на этот раз засвидетельствовав ко всему прочему человеческую неспособность к анализу.

Впрочем, комедия еще продолжалась, и менее одаренные режиссеры постепенно превратили ее в балаган.

В этом балагане произошла некоторая смена вех: идеология не только мягчает по отношению к „абстрактному“ гуманизму, но и объявляет себя его адвокатом, решительно используя свою приверженность к гуманизму в идейной борьбе с капитализмом.

Игра коммунистов в гуманизм была незатейливой, но эффективной. Сместившая гуманизм как „пракоммунистическую“ философскую доктрину ренессанса с непосредственным человеколюбием (то есть „добровольной“ любовью человека к человеку), коммунисты выставляли каждого, кто сомневался в гуманизме, как врага человечества. Эта спекуляция отразилась в бесчисленном использовании понятия „гуманизм“ на форумах, фестивалях и прочих пропагандистских мероприятиях. Такой подлог действовал, особенно внутри страны, порождая в советской культуре то, что Платонов окрестил „оргией гуманизма“.

Столкновение казенного и либерального гуманизма сформировало философию „оттепели“, которая была целиком построена на „возвращении“ к подлинным гуманистическим нормам, на „тепле добра“, его чувствовали и распространяли в своих романах и статьях все шестидесятники, несмотря

на их последующие политические конфликты, от В. Аксенова до Ф. Кузнецова.

Как бы то ни было, с либеральной точки зрения, критика гуманизма была недопустимой роскошью, мешающей борьбе с лицемерным режимом, желанию привести его к утопической модели „с человеческим лицом“.

Почему до сих пор поговаривают о том, что идея коммунизма хороша, исполнение — дрянь? Ничего хорошего не было изначально. Коммунизм основывался на невозможном. Он имел дело с абстрактной идеей человека. С тем же успехом он мог бы думать о спасении шестикрылых серафимов.

История коммунизма, помимо всего прочего, наглядно показала всю иллюзорность гуманистической доктрины. Современник русского коммунизма, последний отечественный философ Алексей Лосев не зря в своей книге „Эстетика Возрождения“ сознательно критиковал ренессансный гуманизм, оставляющий в финалах шекспировских (подтекст был очевиден) трагедий гору трупов.

Но... При всех грехах, которыми славен коммунизм, у него был безумный план: переделать человеческую природу: изменить того „старого“ человека, ветхого Адама, который был слишком слаб и противен, погружен в эгоизм, стяжательство, — его дружно не любила вся та русская литература, которая изучается в школе. Вот почему, когда начались революционные перемены, часть интеллигенции, включая того же Блока, сильно растерялась. Очень уж хотелось верить в возможность „нового человека“. Что здесь удивительного, если даже Хайдеггер, разочаровавшийся во всем пути человечества, начиная чуть ли не с досократиков, при аналогичной ситуации потянулся было к национал-социализму? В досократиках разочаровался; а Гитлера не сразу понял...

Теперь, отменив счастливое будущее и решив вернуться в нормальную цивилизацию, мы должны осознать, что возвращаемся не в потерянный рай, а в меньшее из многих социальных зол, и нам предстоит увидеть все те свинные рыла стяжателей, хапуг, мещан и торгашей, которых так ярко изображала русская литература, в новом качестве предпринимателей, биржевиков и прочих деловых людей. И другой, не „потолочной“ цивилизации нам не отпущено, вот уж действительно: **другого не дано**, потому что такова наша подлая человеческая природа.

У нас, правда, есть в запасе русская духовность. Это — сильное средство, и оно крепко бьет по врагам: евреям, космополитам, иностранцам, которым кое-кто хочет продать родину. Если отказались от классового гуманизма, нужно вводить национальный вариант... Так что уж лучше новые свинные рыла, которые, вне всякого сомнения, лучше вохровских рож на колымском лесоповале, и я думаю, Шаламов согласился бы с такой постановкой вопроса, хотя, наверное, понятно, почему все-таки не хочется, задрать штаны, бежать за капитализмом...

Переход от шестидесятничества к „новой волне“ в культуре выразился прежде всего в резком ухудшении мнения о человеке. Крушение гуманизма (как казенного, так и „подлинного“) запечатлелось в здоровом скептицизме, в понимании того, что зло в человеке лежит глубже, по словам Достоевского, чем это кажется „лекарям-социалистам“ и убежденным демократам, совсем глубоко, на самом дне, откуда ласково взирает на нас входящий в моду маркиз де Сад. От этого осознанного или интуитивного знания „завял“ молодежный общественный темперамент. Между поколениями возник непреодолимый разрыв.

Грех жаловаться. Старшие товарищи, либералы, незаслуженно долго относились ко мне прилично, хотя у меня с юных лет был звериный оскал. Наши разногласия я трусливо скрывал из гадкого желания дружить. Меня все-

ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ

таки раскусили. Старшие товарищи объяснили мне, что (судя по моим незрелым сочинениям) я плохо отношусь к человечеству вообще, к русскому народу в особенности и к каждому „индивидууму“ в частности. Они предупредили меня, что если не исправлюсь, полюбив людей, то буду исключен из „молодняка“, подающего надежды, да и вообще из порядочной компании.

— Скажи: человек звучит гордо.

— Не скажу.

— Плюнь и скажи.

Я хмуро молчал. Мы раздружились.

Старшие товарищи стали властителями дум, героями перестройки. А совсем недавно стали хозяевами жизни. Я радуюсь за них. Со своей стороны, я продолжаю дело „махровой пакости“. Я боюсь, что старшие товарищи под влиянием гуманизма слишком в лоб верят в демократию, и это кончится скверно.

Мне попалась на днях статья одного такого товарища-гуманиста в уважаемом демократическом журнале. Он пишет так легко и красиво, как будто до него философии не существовало вовсе: „...Главная слабость христианства, способная оттолкнуть и действительно отталкивающая от него многие независимые умы, — идея о несовершенстве и ничтожестве человеческой природы, нуждающейся в покровительстве верховного существа; это неверие в собственные силы человеческого духа, в его способность без внешней помощи свыше противостоять „грехам мира“, окружающей его бездуховной материи. Точно так же неверие в человека, презрение к нему отращают и у Солженицына“.

Святая простота! Как бы ни ошибался и ни упорствовал в своих пристрастиях Солженицын, он хотя бы сложнее смотрит на вещи, и тем отчасти интересен. А тут сплошной детский сад...

Как же на сегодняшний день у нас в стране обстоит с любовью к людям и между людьми? Если иметь в виду полное одичание всех слоев населения, вопрос не праздный. Если так будет и впредь, все всех переизнасилуют, оборуют, перебьют или зарезают СПИДом. Милиции нельзя стрелять, интеллигенции нечем думать. У нее все мысли ушли на борьбу с прошлым. Она выдохлась (полистайте, если бессонница, толстые журналы).

Пройдет какое-то время, и капитализм в России создаст определенную систему коллективной безопасности, ибо так будет ему выгодно и удобно.

Милиция будет эффективнее ловить злодеев, дети будут отправлены изучать основы религии и станут бояться обманывать, потому что их накажет „боженька“, роль церкви возрастет, разумный эгоизм и тщеславие предпринимателя заставят его жертвовать на культуру. Культура же, как и всегда, будет полна независимых умов. Независимые умы будут поступать, как им заблагорассудится.

Они будут верить в то, что человек звучит гордо. И они будут возмущаться тем, что **мракобесами** предпринимаются попытки опорочить и запретить гуманизм, как КПСС, что негуманно. И ладно: пусть хоть дураки, не соображающие в философии, и вообще отсталые люди верят, что гуманизм — это человеколюбие. Это тоже в разумных пределах охранительно для общества... Но только в разумных пределах! И, пожалуйста, осторожно! Переоценка человека опасна для человечества, для самой жизни на земле.

Другие, наоборот, будут писать о том, что человек — подлая тварь, каннибал и говноед... Но ни тех, ни других не будет особенно слушать, потому что надо будет „вертеться“ и зарабатывать деньги. Оба направления, такая вот „скудная история“, будут грызться между собой до скончания их века, а в смерти всем найдется место. В смерти не тесно.